

**КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ГОЛИЦЫН –
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МИСТИКО-КОСМОПОЛИТИЧЕСКОГО
КОНСЕРВАТИЗМА В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I**

А. Ю. Минаков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 января 2010 г.

Аннотация: в статье рассматриваются основные вехи политической и интеллектуальной биографии князя Александра Николаевича Голицына (1773–1844), обер-прокурора Св. Синода и министра духовных дел и народного просвещения в царствование Александра I.

Ключевые слова: русский консерватизм, мистико-космополитическое направление в русском консерватизме, доктрина «универсального христианства», розенкрейцерство.

Abstract: the article presents the main episodes of political and intellectual biography of knyaz Alexander N. Golitsyn (1773–1844), attorney-general of the Holy Synod and the minister of Spiritual Affairs and Public Education in the reign of Alexander I.

Key words: Russian conservatism, mystical-cosmopolitan trend in Russian conservatism, the doctrine of «Universal Christianity», rosenkreuzerianism.

История раннего русского консерватизма в период его становления до сих пор во многом представляет собой академическую лакуну. К настоящему времени есть только два исследования, в которых относительно полно исследуется ранний русский консерватизм, однако говорить о целостной картине этого явления пока еще преждевременно [1, 2]. Нуждается в серьезном переосмыслении мистико-космополитическое направление консервативной мысли, которое связано с деятельностью Библейского общества, Священного союза, министерства духовных дел и народного просвещения, попыткой реализации в общегосударственном масштабе социальной утопии «евангельского» или «общехристианского государства» [3–5].

Главным представителем данной экзотической разновидности русского консерватизма был князь Александр Николаевич Голицын*. Он происходил из княжеского рода литовского происхождения XVI в. и был прямым потомком князя Б. А. Голицына, воспитателя Петра I. Александр родился в семье отставного капитана гвардии Николая Сергеевича и Александры Александровны Хитрово 8 декабря 1773 г. в Москве. Благодаря знакомству матери Голицына с

камер-фрейлиной Екатерины II М. С. Перекусихиной, он был представлен императрице и воспитывался за ее счет в Пажеском корпусе. В 1783 г. Голицын был пожалован в пажи, а в 1791 г. – в камер-пажи. При дворе он стал другом детства и юности наследника Александра Павловича, будущего Александра I, что предопределило всю его дальнейшую карьеру. В 1794 г. Голицын был назначен в придворный штат великого князя Александра камер-юнкером, а затем камергером императорского двора. В 1799 г. он подвергся кратковременной опале со стороны и получил повеление выехать из Петербурга в Москву. По восшествии на престол Александра I Голицын был возвращен ко двору. С этого момента он стал одной из центральных фигур государственной и общественной жизни, вплоть до смерти Александра I. По настоянию императора 21 октября 1803 г. он неожиданно и для себя и для современников был назначен обер-прокурором Св. Синода и статс-секретарем с правом личного доклада императору. Он характеризовал свое умонастроение того периода как религиозное вольнодумство, деизм и «эпикурейство» [13, с. 221]. Поначалу Голицын продолжал вести прежний образ жизни, о чем он откровенно рассказывал на склоне лет: «...в чаду молодого разгулья, в тесном кругу тогдашних прелестниц <...> мне очень тогда казалось забавно, что эти продажные фрейлины никак не соображали, что у них на этот раз гостит обер-прокурор святейшего синода» [14, с. 129]. Лишь после назначения обер-прокурором Голицын впервые в жизни прочитал Новый Завет и изменил прежний образ

* Имеется несколько работ, посвященных отдельным эпизодам биографии А. Н. Голицына, но в них он рассматривался преимущественно как деятель в области конфессиональной политики и народного просвещения. Из наиболее существенных стоит отметить: [6–13].

© Минаков А. Ю., 2010

жизни: стал уклоняться от посещения театров, соблюдать посты, постоянно причащаться, читать Библию и литературу религиозного содержания, встречаться и беседовать с авторитетными представителями различных конфессий, периодически испытывать «мистические восторги», интересоваться сновидениями и т.п. Религиозность его имела специфический характер: Голицын исполнял православные обряды, даже обзавелся собственной домовою церковью, однако его взгляды в основном формировались под влиянием модной тогда западноевропейской мистической литературы, носившей далеко не православный характер. Голицын индифферентно относился к различию догматов христианских конфессий, считая их равноценными, и стремился к воплощению идеала мистиков: соединению всех вероисповеданий в лоне «универсального христианства» ради водворения царства Божия на земле. При этом он заявлял о необходимости внешней лояльности господствующей церкви: «пока мы живем под здешней оболочкой и изнашиваем эту внешнюю оболочку, мы должны внешним образом принадлежать к одной из христианских церквей до тех пор, пока у нас будет один пастырь, а мы будем составлять одну паству. Будем уважать внешность, внутренне совершенствуясь святым духом» [15, с. 327–328]. Поэтому Голицын мог общаться как с выдающимися православными иерархами и проповедниками, так и, одновременно, с баронессой В. Крюденер, английскими методистами и квакерами, иезуитами, гернгутерами, «пророчицей» Е. Ф. Татариновой, русскими скопцами, «духоносцами», порвавшими с католичеством проповедниками Линдлем и Госснером, визионерами и ясновидцами и пр. Большое влияние на Голицына имел мистик Р. А. Кошелев (1749–1827), игравший одно время роль «серого кардинала» при императоре и который ввел князя в круг мистиков розенкрейцерского направления (А. Ф. Лабзина, Д. П. Рунич и др.) [13, с. 229]. Историки указывали на ведущую роль Кошелева в формировании официальной идеологии, основанной на мистицизме [16, с. 147–149], и на то, что между царем, Голицыным и Кошелевым был заключен «мистический союз», причем на вершине этого «духовного» треугольника находился Кошелев [17, с. 288]. Взгляды Голицына трудно привести в систему, их часто характеризовали как своего рода «религиозный сумбур». Однако современные исследователи считают, что Голицын проводил в жизнь весьма определенную программу духовного воспитания, разработанную представителями розенкрейцерства, целью которых, по словам Р. Фаджионатто, было «соединение веры, культуры и политики с целью построения единой «христианской республики», царства свободы и справедливости» [13, с. 228].

В своей практической деятельности Голицын был последователен и логичен. Предметом его особого попечения была православная церковь, долженствующая в перспективе дать кадры интеллигенции, проникнутые духом «универсального христианства». Будучи личным другом императора, Голицын смог резко усилить влияние светской власти на дела церкви. Наиболее значимая часть политической биографии Голицына началась в 1812 г. и продолжалась до 1824 г. Так, в 1812 г. он увлек Александра I чтением Нового Завета, а затем Библии. Тогда же Голицын организовал и возглавил Российское Библейское общество, в котором было исключительно сильно влияние мистиков западноевропейского толка и масонов [3, 7, 18]. Формальной целью общества было издание Библии на иностранных языках для инославного населения Российской империи. В 1814 г. Библейское общество приступило к печатанию Библии на церковнославянском языке, а в 1816 г. – к переводу Св. Писания на русский литературный язык. У этой инициативы нашлось немало противников, считавших, что перевод приведет к росту протестантских настроений, религиозному субъективизму, и в конечном счете появлению новых сект и расколов.

С 1 января 1818 г. Голицын был назначен министром духовных дел и народного просвещения с оставлением должности обер-прокурора Св. Синода. Новое министерство было разделено на департамент духовных дел и департамент народного просвещения, причем в департаменте духовных дел православная религия была уравнена с другими вероисповеданиями. Создание министерства было обусловлено стремлением императора осуществить своего рода культурную революцию на началах, свойственных розенкрейцерству. В записке Голицына, обосновывающей объединение духовных дел и просвещения в одно ведомство, говорилось, что «разрушительный дух последнего столетия распространил вредную мысль о непримиримой вражде, долженствующей существовать между религией и наукой. За сию пагубную мечту Европа заплатила реками крови и слез». Там же содержался призыв «освятить науки духом религии и вместе вооружить религию всеми пособиями наук, дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения» [12, с. 70–71]. Подобные воззрения князя сочетались с посещениями литературного общества «Арзамас», с его полубогемно-либеральным духом [10, с. 28].

По инициативе Голицына были проведены чистки студенческого и профессорско-преподавательского состава в Казанском и Петербургском университетах и резко усилилась цензура. Все эти мероприятия снискали Голицыну репутацию «гасителя просвещения». В 1819 г. он был назначен главноначальником над почтовым департаментом, что позволяло ему

беспрепятственно и оперативно распространять по всей России произведения западноевропейских мистиков и выполнять важную в глазах императора функцию – перлюстрацию частных писем.

Покровительство Голицына представителям неправославных конфессий, мистикам, масонам и сектантам, принижение статуса православной церкви в связи с экуменическими экспериментами императора Александра I привели к возникновению так называемой православной оппозиции, которая добивалась отставки Голицына, ликвидации министерства духовных дел и народного просвещения, запрета деятельности Библейского общества и масонских лож, прекращения перевода Библии на русский язык и т.п. [11]. Православные иерархи во всевозрастающей степени оказывали пассивное сопротивление конфессиональной политике Голицына. В этом их исподволь поддерживали влиятельные светские консерваторы А. С. Шишков, М. Л. Магницкий и А. А. Аракчеев и др. Попытки открытого сопротивления Голицыну поначалу жестко пресекались. Так, попал в опалу ректор Петербургской семинарии архимандрит Иннокентий (Смирнов) [19]. В 1818 г. он пропустил через духовную цензуру книгу писателя-«архаиста», принадлежавшего к кругу А. С. Шишкова, Е. Станевича «Беседа на гробе младенца о бессмертии души», направленную против мистической доктрины «внутренней церкви» [20, с. 165–193]. В ответ Голицын подал доклад императору о необходимости конфискации книги и высылки ее автора из столицы, а также добился назначения Иннокентия епископом Оренбургским и Уфимским, фактически отправив его в почетную ссылку. Лишь заступничество влиятельных сторонников Иннокентия при дворе способствовало его переводу в более близкую к столице Пензенскую губернию.

На заключительном этапе существования православной оппозиции с санкции императора ее негласно возглавил А. А. Аракчеев, никогда не состоявший в масонских ложах и чуждый каких-либо «мистических увлечений», стремившийся нанести политическое поражение Голицыну [11]. 1 августа 1822 г. был издан официальный рескрипт о запрете масонских лож, ознаменовавший начало изменений в конфессиональной политике. 6 апреля 1824 г. Александр I запретил Р. А. Кошелеву появляться при дворе. В течение апреля рупор оппозиции архимандрит Фотий (Спаский) направил несколько посланий, нацеленных против мистиков и масонов, императору, а затем он и петербургский митрополит Серафим (Глаголевский) удостоились высочайшей аудиенции. В итоге в мае Голицын был отправлен в отставку. Министерство духовных дел и народного просвещения было ликвидировано, и он сохранил лишь пост главноначальника над почтовым департаментом. Тем не менее

Голицын продолжал оставаться одним из самых приближенных лиц к императору и в дальнейшем сохранил влияние и при Николае I. В 1839–1841 гг. он председательствовал на общих заседаниях Государственного совета, а в 1842 г. был уволен в отставку. Скончался Голицын 22 ноября 1844 г. в своем имении Гаспра-Александрия Ялтинского уезда Таврической губернии.

Анализ взглядов и деятельности Голицына свидетельствует о том, что он был лидером мистико-космополитического направления в русском консерватизме. Самодержавная власть в рамках этого направления рассматривалась не как порождение национальной истории, а как политическое орудие для воплощения в жизнь розенкрейцерской утопии надконфессиональной власти, призванной защитить Европу от распространения подрывных учений и революционных потрясений. Это был государственный космополитизм, на определенном этапе обретший достаточно ярко выраженный консервативный акцент [21, с. 27–40]. Будучи официальной идеологией, имевшей поначалу либеральную окраску (для нее были характерны провозглашение равенства людей перед Богом, идея веротерпимости, уравнивания конфессий, отказ от государственного статуса православной религии, филантропия) [3], это направление под влиянием политических обстоятельств (событий 1819–1821 гг., когда по Западной Европе прокатилась революционная волна) «мутировало» в антилиберальное и антиреволюционное течение. Стабилизирующе-консервативная составляющая этой идеологии вышла на первый план, что привело к резкому ужесточению цензуры, жестким попыткам внедрить принципы конфессионального образования в светских учебных заведениях, гонениям на либерально настроенную профессуру, ограничению университетской автономии, одобрению запрета масонских лож и т.д. Но и либеральный и консервативный варианты данного направления объективно имели антицерковную направленность, что вызвало сильнейшее сопротивление со стороны православной оппозиции. Именно «нетрадиционность» этого направления предопределила его быстрый политический крах и переход, уже в следующее царствование, к иной идеологии, олицетворяемой фигурой С. С. Уварова и его знаменитой формулой: «Православие. Самодержавие. Народность».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Martin A. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I / A. Martin.* – DeKalb, 1997.
2. Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. – Воронеж, 2005.

3. Вишленкова Е. А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века / Е. А. Вишленкова. – Саратов, 2002.
4. Минаков А. Ю. К постановке вопроса о типологии раннего русского консерватизма / А. Ю. Минаков // Клио. – 2003. – № 3(22).
5. Минаков А. Ю. Опыт типологии течений в русском консерватизме первой четверти XIX века / А. Ю. Минаков // Российская империя : стратегии стабилизации и опыты обновления. – Воронеж, 2004.
6. Карнович Е. П. Князь А.Н. Голицын и его время / Е. П. Карнович // Исторический вестник. – 1882. № 4, 5.
7. Пыпин А. Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I / А. Н. Пыпин. – Т. 1 : Религиозные движения при Александре I. – Пг., 1916.
8. Стеллецкий Н. Князь А. Н. Голицын и его церковно-государственная деятельность / Н. Стеллецкий. – Киев, 1901.
9. Шереметевский В. Голицын А. Н. / В. Шереметевский // Русский биографический словарь. – М., 1997.
10. Etkind A. «Умиравший Сфинкс». Круг Голицына-Лабзина и петербургский период русской мистической традиции / А. Etkind // Studia Slavica finlandensia. 1996.
11. Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825) / Ю. Е. Кондаков. – СПб., 1998.
12. Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования : в 4 кн. Кн. 2 : Становление системы университетского образования в России / Ф. А. Петров. – М., 1999. – Ч. 3.
13. Фаджионатто Р. А. Н. Голицын / Р. Фаджионатто // Против течения. – Воронеж, 2005.
14. Рассказы князя А. Н. Голицына, записанные Ю. Н. Бартевым // РС. – 1884. – Т. 41.
15. РА. – 1885. – Т. 1.
16. Великий князь Николай Михайлович [Романов]. Император Александр I. – М., 1999.
17. Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века / А. Зорин. – М., 2001.
18. Кондаков Ю. Е. Государство и православная церковь в России. Эволюция отношений в первой половине XIX века / Ю. Е. Кондаков. – СПб., 2004.
19. Жмакин В., прот. Обличитель масонства. Жизнеописание святителя Иннокентия Пензенского / В. Жмакин. – М., 2006. Единственная книга, посвященная Иннокентию, написана в церковном дискурсе.
20. Кондаков Ю. Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века / Ю. Е. Кондаков. – СПб., 2005.
21. Марголис Ю. Д. Традиции Павла I в истории русской государственности / Ю. Д. Марголис, Т. Н. Жуковская // Император Павел I и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России. – СПб., 1995.

Воронежский государственный университет

*Минаков А. Ю., кандидат исторических наук, доцент, директор Зональной научной библиотеки ВГУ
E-mail: arkady@yml.ru
Тел.: 8-952-548-03-31*

Voronezh State University

*Minakov A. Y., Candidate of History, Associate Professor, Head of Scientific Library of VSU
E-mail: arkady@yml.ru
Tel.: 8-952-548-03-31*